

Лу Хань едва успел договорить, как от дверей донёлся другой, глубокий и бархатный голос:

— Хан-эр, слышать от тебя такое — значит по-настоящему ранить сердце этого князя.

Лу Хань по одному лишь голосу понял, кто пожаловал. Он бросил яростный взгляд на стоящего в дверях Янь Сюаня и сквозь зубы процедил:

— Ты ещё смеешь показываться мне на глаза?

Стоило Линлун услышать голос Янь Сюаня, как свирепое выражение вмиг слетело с её лица, сменившись жалким, полным слёз видом.

— Брат Сюань, неужели ты и правда любишь этого никчёмного мужчину?

Прежде Лу Хань терпел выходки Линлун, памятуя о её высоком положении. Однако это вовсе не означало, что у него нет характера. Он давно приметил, что принцесса равнодушна к Янь Сюаню, и в голове у него моментально созрел план.

Лу Хань ослепительно улыбнулся Янь Сюаню:

— Ванъе, раз уж принцесса так печётся о наших чувствах, почему бы тебе не рассказать ей, насколько сильно ты меня любишь?

Янь Сюань прекрасно понимал, что за мысли бродят в голове у Лу Ханя. Уголки его губ дрогнули в улыбке, полной нежности, которую он сам не заметил.

— Если Хан-эр хочет это слышать, я готов повторять сколько угодно. Этот князь любит тебя.

Изначально Лу Хань хотел лишь уколоть строптивую принцессу, но когда Янь Сюань произнёс эти слова, сердце Лу Ханя вдруг забилось вразнобой. Это чувство было ему чуждым, и он не мог понять, откуда оно взялось. Впрочем, своей цели он достиг.

Линлун была глубоко потрясена. Она побледнела и начала что-то бормотать себе под нос. Пятясь к выходу, она не сводила глаз с Лу Ханя. Уже у самой двери она процедила, чеканя каждое слово:

— Лу Хань, жди. Я, принцесса, не оставлю тебя в покое.

Бросив это, Линлун пулей вылетела из внутреннего двора.

Когда топот её шагов затих, Лу Хань начал постепенно остывать. Кое-что он наконец осознал. То, как легко Янь Сюань принял его признание перед Бай Лулу, то, как позволил поселиться в Резиденции князя Сюань, и этот сегодняшний спектакль — всё это доказывало, что он стал лишь пешкой в руках Янь Сюаня.

— Ты сделал это нарочно? — хотя это был вопрос, в голосе Лу Ханя звучала уверенность.

Янь Сюань не стал отрицать. Он повернулся к нему лицом:

— Линлун с детства питает ко мне чувства, и Император намерен выдать её за меня. Но я вижу в ней лишь младшую сестру, и нет во мне к ней ни капли любви. Однако я не могу открыто пойти против воли государя, поэтому ты стал для меня лучшим щитом.

— Давно слышал, что князь Сюань решителен и беспощаден, сегодня же убедился, что слухи не лгут. Теперь, когда твоя цель достигнута, мне пора уйти, исполнив свой долг, — Лу Хань холодно усмехнулся, не скрывая иронии.

Он и сам не понимал, почему слова вышли такими колкими. Просто на душе стало невыносимо паршиво. А вот было ли это вызвано тем, что его использовали, или чем-то иным, он размышлять не хотел.

Не глядя больше на Янь Сюаня, Лу Хань зашагал прочь.

Когда он проходил мимо, Янь Сюань внезапно схватил его за запястье.

— Лу Хань, насчёт того, что было прошлой ночью...

Лу Хань был вынужден остановиться. Он бросил взгляд на свою руку в ладони князя и снова принял свой привычный легкомысленный вид.

— Разве прошлой ночью что-то было? Не припоминаю.

Сказав это, он высвободил руку и, не оглядываясь, ушёл.

Янь Сюань застыл на месте, не двигаясь. На ладони всё ещё ощущалось тепло запястья Лу Ханя.

Цель достигнута. Сегодня на утренней аудиенции он во всеуслышание заявил, что намерен взять Лу Ханя в наложники. Теперь, должно быть, вся столица судачит о том, что у него, Янь Сюаня, порочная склонность к мужчинам. Император не позволит своей дочери выйти замуж за того, кто предпочитает мужчин. Казалось бы, стоит радоваться. Но почему же тогда на душе так пусто?

<http://bllate.org/book/21556/2217900>